

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Емеля-дурак

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришёл в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им:

– Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублёв.

После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублёв, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну:

– Послушай, дурак, мы поедem в город, возьмём с собой и твои сто рублёв, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай.

Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать всё, что его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

□Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал:

— Да, а вы-то что?

Невестки закричали на него:

— Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!

Но он говорил:

— Я ленюсь!

Невестки опять на него закричали:

— Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя.

Притом сказали:

— Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и всё, но чтоб тебе ничего не давали, — что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принуждён был идтить, слез с печи и начал обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, взял с собою вёдра и топор, пошёл на́ реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришёл на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую. Потом почерпнул в вёдра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

□В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребо́льшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошёл к ней близко, ухватил, вдруг её рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему:

– Что ты, дурак! На что ты меня поймал?

– Как на что? – говорил он. – Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить.

– Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым.

Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак её не отпускает, говорила:

– Слушай, дурак,пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то всё по твоему желанию исполнится.

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю – всё будет готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорил он щуке:

– Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь! – на что отвечала щука:

– Ты преждепусти меня в воду, а я обещание своё исполню.

Но дурак говорил ей, чтоб она прежде своё обещание исполнила, а потом он её отпустит. Щука, видя, что он не хочет её пускать в воду, говорила:

– Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь.

Дурак говорил ей:

– Я хочу, чтоб мои вёдра с водою сами пошли на́ гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась.

Щука тотчас ему говорила:

– Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чём те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, вёдра, сами на́ гору!

Дурак после её говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, вёдра, сами на́ гору! – и тотчас вёдра и с коромыслом пошли сами на́ гору.

Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке:

– Всё ли так будет?

На что щука отвечала, что «всё то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошёл за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою:

– Что это дурак делает? Вёдра с водою идут сами, а он идёт за ними.

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришёл домой; вёдра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

□Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки:

– Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошёл дров нарубил.

Но дурак говорил:

– Да, а вы-то что?

– Как мы что? – вскричали на него невестки. – Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдёшь рубить дров, так тебе ж будет холодно.

– Я ленюсь! – говорил дурак.

– Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь ты же озябнешь.

Притом они говорили:

– Ежели ты не пойдёшь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки,

ни красных сапогов.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принуждён был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь.

Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

□И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему:

– Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби.

Дурак им говорил:

– Да, а вы-то что?

– Как мы что? – отвечали невестки. – Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами.

Но дурак им говорил:

– Я ленюсь!

– Как, ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдёшь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных.

Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принуждён был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навеса сани, взял с собою верёвку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему:

– Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?

Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!

После сих слов сани тотчас поехали со двора, что́ видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, рубика дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!

Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и верёвкой вязались. После того как нарубил он дров, велел ещё топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами.

Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, там уже

дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!

В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из городу домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилаь вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

□После того, как он уехал из города, стали поговаривать об нём везде – не столько о том, что он передал много народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

– Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю.

Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер взошёл в избу и спрашивал:

– Где дурак?, а он, лёжа на печи, отвечал:

– На что тебе?

– Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю.

Но Емеля говорил:

– А что мне там делать?

Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!

Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех – как офицера, так и солдат. Офицер принуждён был ехать назад; и как приехал в город, то и доложили королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому, чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привёз дурака – хоть обманом.

□Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему:

– Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живёт.

Староста тотчас побежал и привёл его невесток. Посланный от короля спрашивал их:

– Что дурак любит?

Невестки ему отвечали:

– Милостивый государь наш, дурак любит – ежели станешь просить неотступно о чём, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает.

Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того накупил изюму, черносливу и винных ягод, пошёл к дураку и как пришёл в избу, то, подойдя к печи, говорил:

– Что ты, Емеля, лежишь на печи? – и даёт ему изюму, черносливу и винных ягод и просит:

– Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу.

Но дурак говорил:

– Мне и тут тепло! – ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить:

– Пожалуйста, Емеля, поедem; там тебе будет хорошо!

Дурак говорил:

– Я ленюсь!

Посланный стал просить его:

– Пожалуйста, поедem; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

□Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорил:

– Поезжай же ты вперёд, а я за тобой буду.

Посланный не стал ему более докучать, отошёл от него и спрашивал тихонько у его невесток:

– Не обманывает ли меня дурак?

Но они уверяли, что он не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал ещё на печи и говорил:

– Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!

Потом говорил:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!

Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и он догнал ещё на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

□Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел^[1] со всеми своими министрами его смотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король:

– Для чего ты столько передавил народу, как ездил за дровами в лес?

Но Емеля говорил:

– Я чем виноват! Для чего они не посторонились?

И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя дурак её весьма прекрасною – говорил тихонько:

– Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась этакая красавица в меня!

Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!

Тотчас поехала печь домой, а приехавши – опять стала на прежнем месте.

□Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал её за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним предстал, тогда король говорил ему:

– Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привёз; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы

ты привёз непременно его; ежели привезёшь, то будешь награждён, а ежели не привезёшь, то будешь наказан.

Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему:

– Вот тебе деньги: купи всё, что надобно завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его допьяна, пока спать ляжет.

□ Староста знал, что он приехал от короля, принуждён был его послушаться и скупил всё то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что будет, то офицер его дожидался с великою радостью. На другой день пришёл дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лёг спать. Офицер, видя, что он спит, тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повёз его в город. И как подъехал он к городу, то и повёз его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена она бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно её пустили, и король возвратился в свой город.

□ А бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов; дурак всё то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя:

– Где я? – ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила:

– Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена.

– А ты кто? – спросил дурак.

– Я – королевская дочь, – отвечала она и рассказала ему, за

что она посажена с ним вместе в бочку; потом просила его, чтоб он освободил себя и её из бочки.

Но он говорил:

– Мне и тут тепло!

– Сделай милость, – говорила принцесса, – сжался на мои слёзы; избавь меня и себя из этой бочки.

– Как же не так, – говорил Емеля, – я ленюсь!

Принцесса опять начала его просить:

– Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть.

Дурак, будучи тронут её просьбою и слезами, сказал ей:

– Хорошо, я для тебя это сделаю.

После того говорил потихоньку:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег – на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!

□Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег – на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошёл с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, всё то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила:

– Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша.

Но дурак говорил:

– Вот ты уж многого требуешь!

– Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, – говорила принцесса, – чтобы можно было нам где во время дождя укрыться; ибо принцесса знала, что он всё может сделать, ежели захочет. Но дурак сказал:

– Я ленюсь!

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут её просьбой, принуждён был для неё то сделать; он отошёл от неё и говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы были разного звания люди.

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошёл с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умён!

И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умён, что все удивлялись.

□После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил:

– Милостивый государь! Я прислан от моего господина с

покорностию просить вас к нему кушать.

Король спрашивал:

– Кто таков твой господин?

Но посланный ему отвечал:

– Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моём господине ничего не известно; а когда вы будете кушать у него, в то время и скажет о себе.

Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушёл, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад, сказал, что король непременно будет, и только сказал – а король и едет к дураку по тому мосту хрустальному, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю:

– Милостивый государь, узнаете ли вы меня, кто я таков?

И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил:

– Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я – тот самый Емеля!

Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать; а дурак в то время пошёл за его дочерью и привёл её

пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку:

– Я перед тобой весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою.

Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели всё было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали её с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему своё королевство; но он не захотел. После того король поехал в своё королевство, а дурак остался в своём дворце и жил благополучно.

[1] – У Афанасьева вошел (Ред.).

✖ ✖ ✖ ✖ ✖

✖ Загрузка...